ЗАСИДЕЛСЯ ЗА КОСТРОМ

ВОЙТ СОДОМА

ЗАСИДЕЛСЯ ЗА КОСТРОМ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Вике

Сирота

Засиделся за костром

Кто-то бросил в костёр веточку.

— У меня есть леденящая история! — воскликнула сирота. — Она произошла несколько дней назад.

Все обернулись на неё: сирота улыбалась, поглаживая свои белые волосы. Тени от огня мягко ложились на подбородок и щёки, а свет игрался в её глазах.

Гном рассмеялся и хлопнул в ладоши:

— Пообещай, что после твоей истории мы все окоченеем, как ледышки!

Сирота помедлила, вслушиваясь в треск костра, и затем принялась за рассказ. Ребята хихикали как дети и перешёптывались друг другу на ухо. Когда сирота замолчала, карликовая ледяная статуя гнома свалилась в пламя.

Талой водой он потушил костёр, и в небо взлетел белоснежный дым.

Беседка

Не заметил
Поздно ночью

Он грустный потому, что лето кончается. Вскоре растает снег, вынырнут цветы, затаившие дыхание, умрут белые зимние облака. Что начнётся?

В конце августа холодновато. Сидя в беседке, он чувствует липкую струю арбуза по своему подбородку. Сладок. Вкусен. Костляв. Последнее мало волновало его, и он глотал даже эти чёрные бусинки. Всё время ему представлялось, что мир на ком-то держится, основан каким-нибудь животным, которое заставило Землю быть свободной от людей, но при этом работать по заданному им механизму. Это аист. Только с розовыми спицами вместо ног. Аист пьёт воду из неопознанной чаши и выглядит, пожалуй, вполне обычно. Он стоит на одной спице — другая по-девичьи согнута под мягкое белое оперение живота. Аист не шевелится. Ему нельзя взлетать. Рядом с ним не клокочут маленькие аисты, так как у праматери нет детей; он ничего не воспитывает и не создаёт, так как у праотца совсем другие дела.

Вот оставит их аист — что потом? Сидящий в беседке боялся развивать эту мысль. Окончание лета можно пережить, заснув в медвежьей берлоге одиночества, а пережить окончание жизни — нельзя. Аист, словно родниковый поток, наполняет печальные углубления. Если же напор ослабнет, то суша станет непригодной для людей.

Однако, вкусно. Он укусил арбуз, раздавил во рту и выпил его сок. Теперь вновь следует думать. Хотя нет — не стоит торопиться: из бревенчатого окошка он увидел приближающуюся к нему девочку. «Когда-то я был с нею знаком», — подумал он.

Девочка вошла в беседку очень улыбчивая, стряхнув капли с волос.

— Что такое? — спросил он. — Снаружи дождь?

— Нет! Я была не снаружи, а внутри.

Он очень удивился. Переспросив девочку об этом, он укусил арбуз и рассмеялся.

— Не может быть, — сказал он. — Покуда сюда шёл, там было тихо.

— Тебе повезло не попасть под дождь. — Сказав это, девочка простодушно выжала свои волосы. — У тебя есть платье?

Он покачал головой и вместо ответа доел последнюю мякоть арбуза, толстенную кожуру выкинул в окошко.

— Зачем тебе платье?

— Разве не видно! — возмутилась девочка.

— Уж не видно.

Девочка взяла его за руку и совершила попытку повлечь за собой.

Мальчик, нахмурившись материнскими бровями, остался.

— Нет, — говорил он, — никуда не пойду. Я тебя когда-то знал, но почему-то забыл. А почему я тебя забыл? Ты явно хочешь забрать меня в своё болото. Люди не забывают других ни с того ни с сего, девчонка. Но ты что-то сделала со мной, и теперь я не знаю правды. Откуда же мне знать? Что, если ты ведьма?

Слушая это, девочка менялась в лице. Он обидел её.

— Тогда не проси моей помощи.

Беседка опустела на одного. У сидящего в беседке мало того, что не было арбуза, так ещё и имени. Довольно ли ему такое обозначение — «он»? Право, имени никто ему не дал, и сейчас назвать его каким-либо — кощунство. А какую помощь он, в случае чего, мог попросить у той девочки? Возможно, она совсем не простой человек. Отсутствие воспоминаний, но уверенность в том, что раньше был с нею знаком... это странно. Она пришла к нему оттуда, где шёл дождь. Мальчик узнал, что она заходила туда же, куда и он. Наверное, она искупалась в водоёме недалеко.

Остановившись на такой безобидной мысли, мальчик понял, что выхода никто не найдёт. Вот мерцают звёзды днём. Но какой же день? Небо черно ночью. Смеётся, хохочет. Мальчик покинул свою душу, беседку. Мальчик позволил быть подхватываемым луной и солнцем. Словом, он потерялся. Наступила ночь, зовущаяся в местных краях, то есть везде, звёздной. Во время звёздной ночи на небе проступают галактики, созвездия, кольца, кометы и квазары, становятся видны до рези в глазах, сияют, светятся. И вновь мерцают звёзды. Все люди исчезли. Он бегал по Земле и искал их, но не было. Космос не шевелился. Он, мальчик, вспомнил всё — аиста, девочку и космогонический цикл; на его ладонях, по обе стороны, были нанесены Микропрозоп и Макропрозоп. Борода запутала как в сетях всех существ. Они бултыхались на его руках, не в силах выбраться. Да это ведь намеренный кошмар! Девочка-ведьма — такой он теперь её считал — совершенно не умеет проигрывать.

Отличие от сна, это то, что его можно завершить пробуждением. Здесь же, если лечь на кровать и уснуть, проснуться никак не удастся. Видите ли, сна здесь нет, и люди (до недавнего времени находившиеся) никогда не спят.

***

Мальчик плакал у берега пруда. Тростник и камыш подменяли друг друга и сливались один в одного. Рядом с мальчиком лежало мокрое красное весло. Он услышал историю, что когда-то здесь было хорошо, а от кого слышал — не знал, так же, как и с той девочкой.

Близкие люди поздним вечером были с ним у пруда, почти босые ноги скрывала мягкая серая трава. Он блуждал по ней. Он помнил смех. Он был бы проклят за свою уверенность! А самое незначительное, что в

этой траве игрались и шумели насекомые: ночные кузнечики, сверчки, цикады, жуки и пауки-птицееды. Никто, никто их не видел, всё было слишком по-летнему. Мальчик был собой, семь лет от силы. Он тоже что-то делал. Но стоит помнить о позднем вечере и о комарах, которые летают в такую темень.

Мальчика позвали домой, и он слышал, что за него волновался как минимум один человек. Постойте же! Сейчас он здесь находится. Мальчик стоит прямо на дороге, смотря вдаль. Слева от него поросший пруд (когда-то давно в нём ловили рыбу), справа от него очень круто уходящий вниз склон, ведущий к огромной, в несколько сотен метров, холмовой яме. Ещё дальше — городские дома. Однако мальчик улыбался: «Они не настоящие. Это бутафория. Картон. Свет горит в одних и тех же окнах, никогда не гаснет».

Мальчик пошёл назад. На перекрёстке в уголку росла алыча. Собственного роста не хватило, чтобы достать, тогда он встал посередине перепутья. Все дороги вели в зернистую тьму. Там, вдали, горит свет и тени быстро искажаются; тот, кто там находится, не боится того, кто может находиться на месте мальчика. Вероятнее всего, это магазин. Две дороги, по диагонали идущие на северо-восток, ведут к домам. Последняя дорога, справа, ничем не выделяется и ведёт к месту, которое ещё не было нарисовано. Как оно выглядит, никто не знает.

Мальчик тихо направился к домам. В темноте билось сердце. Выхватывать свои бледные руки тяжело. Луна есть, однако она освещает другую планету. Её свет проходит сквозь фильтр и рассеивается. И теперь луна — это серый круг, похожий на сыр.

Над мальчиком гудело небо. Он понимал, что, возможно, это технический шум от заводов, и даже успокаивал сердечко. Но людей нет. Нет и всё. Тени в магазине, — ужаснулся мальчик, — принадлежат не людям. Он упал на колени с горбом библейской вины. Из носа текли сопли и слёзы. Он был не просто потерян, а обрамлён одиночеством, тем самым медвежьим. Но так полагается в звёздную ночь. Человек, заставший её, вынужден страдать от переживаний.

Вполне вероятно, магазин пуст и света в нём нет. Мальчик боится и, следовательно, никогда не узнает правды. Отвергать тот вариант, что в магазине и вправду находятся отличные от человека тени, нельзя. Ибо кто знает наверно?

Совсем темно, словно глубокий коричневый сон Канта. И здесь мальчик ощущает всплеск крови в своём животе; голод.

— Кто ты, милый, без меня? — спросила девочка.

Она вышла из темноты по дороге, куда держал путь мальчик.

— Помоги мне, иначе я истреблю ведь себя.

— Я сказала, — безысходно отрезала девочка.

— Что?

— Как что? Ну как же? Не проси моей помощи!

Мальчик подбежал к девочке.

— Сейчас ты ближе всех, кто есть на Земле, — напугался он. — Люди исчезли, но я не знаю... есть ли они в магазине, где горит свет.

Девочка взглянула:

— Нет там людей.

Мальчик кивнул и впился в её глаза, жаждущий объяснения, кто же тогда там ходит.

Девочка молчала.

— Я исчезну, — претенциозно сказала она.

Мальчик ужаснулся:

— Хватит пугать меня! Хватит делать так! Помоги. Прости меня за то, в беседке.

— А что ты сделал там? — язвила девочка.

Мальчик не мог ответить; он не понимал свою вину. Однако в сложившейся ситуации обязан был придумать.

— Я не дал тебе платья.

Голос мальчика ослаб. Некоторые слова с ощутимым весом упали с языка на землю. Он посмотрел под ноги.

— Ну, это ложь. Откуда его взять мальчику?

Стало страшно, и мальчик приблизился к мрачному контуру девочки, почти исчезнувшей с его глаз.

— Но как я отвечу тебе? — скривился он. — Я сам не знаю! не знаю! И разве какие-то слова достойны одиночества?..

— Смотря какие это словечки!

Мальчик схватил девочку за руку, это был белый рукав. Сердце забилось, забилось! Она, как минимум, действительна: тёплая плоть под одеждой вселяла это. Кто ещё мог похвастаться таким свойством?

— Мне стыдно, — медленно прошептал он. Его зрачки уменьшились от темноты.

У девочки тоже; блеснул красный огонёк.

Тогда она положила руки на плечи мальчика и сомкнула их за его головой. Образ девочки ясно отпечатался в памяти: коричневые мокрые волосы, белое платье, лицо. Это не ведьма и не злой дух — девочка.

— Зачем пугала?

— Это не в моих руках дело, — сказала девочка. — Только что я вспомнила сон с тобой. Всего на секунду.

— Не твоих рук? А чьих же?

— Нашего прошлого.

— Я тебя не понимаю!

— Нашего, — показала она на себя и на мальчика. — прошлого.

Последнее слово сказано в темноту.

Впрочем, мальчик ничего не понял. Но ему стало легче; звёздная ночь отступила. С неба исчезли космические тела, свет от которых не поступал на Землю всё это время.

— В сотню раз ты печальнее сейчас, при мне, чем во сне.

***

Они сидели в доме ночью. Горела лампа.

Он пил воду и через глоток спрашивал у девочки:

— Как ты сказала?..

Девочка склонила голову к тёмному проёму двери. Такое положение всякий раз напоминало мальчику об опасности.

— Звёздная ночь, — ответила она.

— Почему она случается?

— Не знаю.

Мальчик поджал губы.

— Ты устала от меня?

— Нет...

Девочка встала из-за стола.

— Как я поняла, тебе показалось, что я разрешила тебе переночевать здесь? Не думай так. Сейчас ты пойдёшь к себе домой.

В глазах мальчика застыл гной.

Это так страшно — покидать освещённое место и идти к другому по тьме, по холоду. Что может быть ужаснее?

Он с придыханием глушил плачевный голос:

— Пожалуйста, не стоит.

Но все его слова казались девочке неуверенными.

— Я хочу, чтобы ты понял... — сжалилась она. — Ты один. Но это не значит, что ты одинок. И допустим, я оставлю тебя в этом доме; на следующее утро меня не будет. Зато будут твои родители и беседка. — Девочка оголила плечо. — Видишь паутину? Кремовую сыпь?

Мальчик тронул рукой открытый рот. Да, вот так. Паутиной заросло его лицо. Во мгновение он иссох и поднялась полная луна.

Мальчик к тому времени скрутился, как сухой осенний лист, и девочка, ступившая по нему, горько рассмеялась.

— Мы были с тобою знакомы, — сказала она. — Я хотела тебя полюбить… не смогла.

Майя

Загорелся сам

Что растёт у реки Майя? Облезлые плоды граната с кроваво-красной кожурой и ягоды, как звёздочки. Расплодились они — растения, не ступить свободно ногой. Обязательно заденешь рослый колосок. А здесь их сотни и тысячи, все разные, на любой вкус. До того Майя плодородна и чиста, что почва вокруг неё цветёт съедобными гроздьями.

Вот я люблю это место. Не в закате дело, хотя по вечерам над рекой действительно жёлтое солнце. Свет льётся с неба и сливается. Я много раз терялся, забывая собственное имя. И хорошо, что забывал. Мне становилось приятно, легко, на душе не сновали зимние бесы. Прежде я не видел реки красивее — мне доводилось купаться в водоёмах, но не столь глубоких, как дно Майи.

Я единожды заснул у её берега. То, что снилось моему обезображенному закатом уму, страшно описывать. Бледные молочные разводы хлюпали подо мной, я глубоко дышал, и когда дышал — космос натягивался, как ткань.

Дышал я космосом.

А бежал я по Млечному Пути. Это единственный путь, о котором я знал.

Нет, больше путей нет. Люди не ходили к Майе, не оставляли тропинок, и поэтому вернуться домой невозможно. Человек, увидевший её, навсегда счастлив. Таким был я — заснувший у берега.

Меня окатил прибой. Я расплющил глаза и облизнул губы, в которые затекла гранатовая вода. Сладко. Деревья качались на ветру.

Но вот я тону в беспощадной тине. Зачем людям родители после рождения? Для чего они сокращают мышцы от злости?

Я встаю и бегу к промозглому лесу, состоящему из ярких жёлтых звёзд. Он чёрный, как ночной снег, и тёплый, как летний день. Мне кажется, внутри меня яростно ждут, зовут, никогда не бросают на произвол судьбы. Там стоит племя — и все ждут, напялив цветастые маски на лица. Кто изображает животное? Или это на самом деле стоящий лис кусает яблоко? Почему мне так больно смотреть за их вздыбленным мехом? Пронзившая молния вошла в голову, ровно в мозги, засверкав огнями.

Я бегу, убегаю от мести. Я смотрю за своими ногами. Они закрываются тенью и носятся лесными ветрами. Меня покидают сомнения. Меня оплетают деревья. Худощавые сучья спелого дуба кишат перезрелой листвой. Луна верещит. Завывают волки. Гордый лес штормит.

Но куда убегать моему недоверию?

Я стыжусь посмотреть ей в глаза.

Она появляется за холмом. Страха полно её платье.

В лицо попадают летящие острова. Чрезмерно пестрящие красной водой топора — холмы. Стонущие камни из-под белого валуна.

В розовой дымке — её лицо. Она улыбается или плачет.

Успокоить её — конечно, хочу.

Страдаю и тело безумно скачет.

Корягой торчу.

Темнее ночь перед рассветом

Сгорели брови, ресницы, очки

Дождя не обещали. С самого утра небо тянулось знойным, неизменным и долгим. Облака как облака. Беспечные слова о том, что приближается буря, местные деревенские дети радостно передразнивали. Не было причины полагать, что пополудни, примером, разбушуется ветер; ничего на это не указывало. Ясное дело, старики умело предугадывали ненастья, однако слушать их приятным не выдавалось.

Ребята сачковали весь обед на канале — вода там с недавнего времени чистая, оживлённая рыбами. Не болото — трубы вовсю работали, чтобы отфильтровать водоросли. Так, они собирались небольшими группами на ржавой вышке, смеялись и вскрикивали звонко:

— Прыгай!

Кто-то прыгал.

Возрастов совершенно разные — девочки постарше садились у полевой травы и плели бисером. Заставить их искупаться было труднее всего. Одну за другой они находили причину, чтобы остаться. Но ведь не все хвастались упрямством. Какая-нибудь Чайка, в улыбке отложив бисер, стаскивала с себя голубое платье и задорно взбиралась на вышку. Затем — всплеск за всплеском! Другие девочки, что помладше, следовали безумству.

Они испуганно вопили, погружаясь в воду.

Парни любили этот вопль. Им доставляло удовольствие наблюдать, как вынырнувшие девочки дивятся пустой нитке, на которой вот-вот был бисер. Тогда они обидно называли их по именам и вылезали из канала; парни скалили зубы и бросали нитку в траву. Но что нитка? Если сами бусинки бисера валяются абы где, что не сыскать. Вероятно, стоит таить обиду на того, кто его растерял. Так думала Чайка. Её подруги думали не так, может, вовсе не думали, и с парнями поддерживали весёлую ноту.

Чайка осталась плавать одна. Выйдя на берег, надела платье. Она обратилась к одногодке-девочке:

— Где наш бисер?

Одногодка отмахнулась, сказав, что где-то у мальчишек.

«Где-то! — возмутилась она про себя. — У мальчишек!»

После купания ветер освежил её, придал сил. Подбежав к тучному пареньку, Чайка ляснула ладонью по его плечу. Глаза её по-доброму вспыхивали.

— Эй! Ну что вы сделали? — кричала она. — Бисер моей бабушки!

Тут же вокруг неё столпились ребята. Речь зашла о том, чтобы позвать бабушку Чайки сюда; несколько из мальчишек поменялись в лице, говоря о том, что так делать не стоит.

— И почему же? — напирала Чайка. — Я сейчас её позову!.. Ты ответишь перед ней, Туча.

Туча — мальчик, попавший под горячую руку — умолк. Не зная, что ответить на девичью злость, он оттолкнул Чайку, и она больно поранилась о стекло, осколками лежащее у вышки.

Девочки сперва заступились за Чайку; но увидев закат испугались, бросили все свои дела, оделись. И девочки, и мальчики разбежались по тропам посадки, каждый к себе домой. Будучи уверенными в своей безопасности, ребята бежали долго. Парни задержались. Самый высокий поднял Чайку и лишь тогда рассмотрел её черты лица. Что он увидел? В первую очередь, ярко-розовые щёки, над которыми плачевно стояли глаза. Парень не запомнил их цвет. Во вторую очередь, волосы неопределённого оттенка. То ли они летне-коричневые, просвечивающие голубое небо, не густые; то ли густые, тёмные, блекло-пасмурные. Такие волосы можно повстречать один раз; ибо все остальные они будут казаться примитивными.

Парень хотел потрогать её голову, но Чайка вырвалась. Бежевая кожа похолодела от сгущающихся красок вечера. И он смотрел ей вслед. Чайка перешла на бег, её платье достигало колен, и поэтому не приходилось приподнимать, а ноги были босыми. Когда Чайка ускорилась, волосы заметались по спине, и парень долго и пристально всматривался в них.

Понять не удалось. Кто-то не дал.

Его всё отвлекало. Туча! — даже он успел покинуть канал. Всё — изменилось и поменялось, когда спокойную гладь воды нарушили многочисленные удары струй. Капля, попадая вовнутрь, разносилась кружками, уносилась течением.

Дождя не обещали... Парень остался стоять на месте. Приятно ему было вспоминать лицо Чайки — её волосы и щёки. Какие у неё глаза?..

В раздумьях кончился вечер. Он встретил ночь и сопутствующую луну смирно, без улыбки или переживания. Полевая тропа ветвилась на три тонких — все приводили к домам; однако парень перестал в это верить и не шёл. С ним произошло что-то странное. Да чего уж говорить? Он тоже понимал. Он попал в ту ситуацию, от которой ребята бежали со всех ног с наступлением заката.

Существует ли вечная ночь? Парень не знал; он видел только её темноту и холод.

Неясно, как правильно выразиться: умер, исчез, поглотился? Варианты уместны, но не честны, так как никто этого не видел.

Перед тем, как перестать быть, парнишка безответно глядел на удаляющиеся поля. Он мог бежать и двигаться, просто не хотел. И ничего, впрочем, здесь страшного нет — ничего необъяснимого и мистического. Это была первородная реакция на ужас, о котором он, между прочим, знал.

Чем чаще думаешь о последствиях, тем реже вспоминаешь первопричину. Вот так и здесь, вот так и — с парнем.

Чайка очень устала бежать домой. Зная о ужасе, не жалела ног. Когда солнце впритык прижалось к земле, она уже хлопнула дверью и зашумела замком. Ручки тряслись — не выходило закрыться. Пришла бабушка.

В тени лампы она выглядела как зомби. Чайка улыбнулась себе.

Бабушка ворчала:

— Где была? Ты не ела в обед. Куда ушла без спроса? Негодяйка!

В коридоре пахло йодом. У Чайки разболелась голова, и она прилегла на прохладную постель. Бабушка зашторила окна. Ходила по дому молча. Обе чувствовали — что-то не обговорено.

Чайка подумала: «Мне не хватает этого. Что эти шторы! И что — замок!»

Язык приятно отнимало, говорить не хотелось. Бабушка всячески этого избегала. Потом, через часа пол, Чайке удалось уснуть: настолько отяжелели веки этой девочки. Сон длился не всю ночь — пару беспокойных часов.

И вот проснувшись, Чайка, ещё не расщеперив глаза, очень забоялась, что превратилась в своей кровати в большое страшное насекомое. Проблемой было то обстоятельство, что ночь не кончалась, бабушка не ложилась спать и ноги Чайки болели всё капризнее. Лёжа в постели, она через кошмар смотрела в потолок.

Когда ей стало невыносимо, позвала бабушку. Она быстро пришла.

— Бабушка, — заговорила Чайка. — Скажи мне, бабушка. Зачем ты врёшь?

— Но я ничего не говорю.

Чайка приподнялась в постели и лениво перевела взгляд на окно.

— Ты врёшь, что ночь может закончиться, — грустно выдавила Чайка. У неё тряслись худые плечи, будто она готовится заплакать. — Мне страшно, бабушка. Сегодня ребята тоже поняли, как им врут их родители. А я ведь тебя защищала!

Бабушка тревожно растирала свои мраморные руки.

— Нет, нет... Никто никому не врёт, Чайка. Эта страшная ночь скоро пройдёт. Тебе, милая, нужно верить в утро. Все мы верим. Мы живём уже больше половины века! Как же я могу врать тебе?

— Не знаю! — ответила Чайка рассерженно. — Ты не готовила меня к этому, а пугала! Не предупредила! Ты... не защитила меня.

Бабушка собралась падать на колени.

— Не верю тебе! — закричала Чайка, встав с кровати. — Не подумай, я не боюсь вечной ночи. Я смелее, чем ты думаешь. Я понимаю всё! Я — не маленькая!

— Ты взрослая девочка, — опечалено согласилась она. — Но не будь такой доверчивой. Ночь будет долгой и тёмной, и тебе покажется, что

конца ей нет… Зачем ты кричишь на меня? Я не заслужила этого, Чайка! Я всегда, сколько помню тебя маленькой, вбивала в твою головку, что ты не одна. И пускай у тебя нет мамы и папы — кто вправе высмеять тебя за это?.. Я всегда ходила разбираться, когда тебя как-то обидели. Не позволяла и слова сказать в твою сторону… Так ты платишь мне?

Чайка заметно остыла, но детская злоба осталась.

— Я не знаю! — рявкнула она, опустив глаза.

Бабушка покачала головой и словно сжалилась сама над собой.

— Ночь не вечна, Чайка. Она может забрать с собой, если ты одна и не веришь в утро. — Бабушка улыбнулась: — Я скоро умру, мне не страшно.

Чайка впервые за весь разговор ощутила колючую боль самолюбия. Смерти бабушки она боялась больше огня.

— Я уйду, мне нужно уйти.

Исчезнув во тьме другой комнаты, она открыла сперва замок, затем дверь, а уже спустя минуту Чайка услышала хлопок входной двери с улицы. Она как-то догадалась — бабушка больше не вернётся.

Хотелось верить в то, что ночь закончится. Слова бабушки подействовали на Чайку отрезвляюще.

Снаружи холодное марево, Чайка чувствует его подушечками пальцев. На сердце села бабочка одиночества.

***

Она устала. Смотря на себя в зеркало, Чайка всхлипывала: откуда-то взялась худоба, расположились по телу розовые ссадины, словно её бил ветер. Запустила она себя, не стоило всё пускать на самотёк, думая, что вещи имеют волшебное свойство добреть.

Чайка щипала себя. Лоб горел. Ей казалось, что это рассвет подогревает дом лучистыми новостями, но чувство повышенной температуры относилось к одной только Чайке. И снова — верить в окончание ночи очень хочется. Когда бабушка была в доме, вера коварно, хитро отступила; Чайка не боялась темноты. А речь о том, что вдвоём пережить ночь гораздо легче, воспалила в Чайке страшное тщеславие. Теперь, оставшись одна, Чайка осмысляла сказанное.

В окне мрачный двор. Кусты и сирень. Оба не шевелятся. Почему-то так сложно устоять на одном месте. Пол кажется зыбким, как дерево, и ужас провалиться вниз присутствует. На кровати нельзя уснуть, усталость тянет к этому, но всецело обманывает. И когда Чайка ложилась под одеяло, сон сгоняли протяжные кошачьи стоны. Чайка с обременением думала: «Кошки остались снаружи». Не знает она ничего. Толком ничего не знает. Бежать некуда. И даже нет пассивного желания это сделать. Силуэт бабушки мерцает в темноте отдалённой комнаты, однако Чайка не пугается. Ей, стало быть, знакомы они — не то люди, не то облака.

Бушует по комнатам тишина. Гробовая и вражеская. Иногда Чайке было особенно тяжело ждать рассвет (она поверила в него, так как, находясь одна, подвластна всяким глупостям). Ей снова кажется, что это облако. Много чего виделось в липкой протяжности времени: набухающая солью рана, свеча, золото, клубника.

Клубнику Чайка заметила, когда лежала на тёмном полу. Спелая красная ягода. Она тоже молчит, как и все объекты здесь. Клубника, чем дольше Чайка на неё смотрела, вселяла смутную тоску по бабушке. Сколько раз она плакала в голос, нарушая молчанку. В свой плач вслушиваться было опасно — происходило слияние с кошачьими стонами. Чайка думала и злилась на саму себя, что изменила ход событий и погубила бабушку. А скольких ещё она погубила? Сотни людей. Просто не видела, как ночь забирает их, оставшихся поодиночке в своих домах или не успевших добежать до места спасения. Прямо на тропах, в траве, они лежали и не верили, что у них есть куда идти. А те, кому посчастливилось не потерять друг друга...

Чайка кушала клубнику. Мягкий сок капнул на ладони, и она слизала кровь. Не выбрасывать же клубнику: пришлось доесть. Или скорее допить. От сладкого не было и следа. Напасть — чёрная сволочь ночь — темнее с каждой новой надеждой. Чайка разделась догола и укуталась в плед. Находиться на ногах до того обезобразило её ноги, что было больно ступать. Известно, когда холод достигает крайности, начинается гул, сопровождаемый выбросом вшей.

Какие-то странные, словом, умозаключения преследовали Чайку.

Ей не было хорошо. Кому было?

***

Чайка отдёрнула шторы. Рассвет.

На улице по-прежнему тихо.

Просыпаются белки…

Разлука

Сгорели волосы

Я всего лишь один раз навестил её после долгой разлуки, но уже тогда уверенности мне было не занимать, что с нею случилось что-то страшное. Судить хотя бы по впалым щекам на некогда овальном лице, на которых при смущении проступает мёртвая бледность вместо алого румянца. Или улыбка её так обеспокоила меня? Выдержанная, строгая, обвиняющая показалась она. И ей словно становилось только хуже с переменами дня и ночи.

Так, ресницы всегда влажные от слёз. Я ошибся, когда обнял её и спросил, что за тревога находится в груди, так как с того момента она перестала выражать эмоции как таковые, являя собою мраморное изваяние в тени летнего дерева. По пальцам размещены кольца бывших супругов, одно надето посмертно его руками. Она женщина, и, несмотря на чертовщину вокруг неё, нежность норовит выйти каким-нибудь словом или деянием. Она любит ласку и даёт её животным, детям, мученикам. Постыдно просить помощи у этого ангела, ведь она задумается.

Снится сон. Знакомые люди радуются вместе с ней под объективом камеры. Она видит себя, держащую кусок болезненного детства, и кровь подступает к горлу.

Письмо брату

Сгорели губы, язык

Я чувствую и помню, как были малы сады, когда ты рос здесь. Прекрасно пахли освещённые солнцем цветы под забором. В те дни кошки по улицам гуляли весёлыми сворами. Я помню это, ведь сама наблюдала древнюю деревню, и ты находился в окружении свежего воздуха. Твой отец поднимал тебя на руках, чтобы ты увидел цаплю, стоящую на одной ноге за камышом. Или то, как твоя матерь смеялась в кулак?..

В любом случае, ты был невольно счастлив, и даже позднее, когда ты уверенно спорил со мною, наполнять твою жизнь магией взялась я, ведь все другие утратили в тебе милость с взрослением.

Сегодня ты стал другим, дорогой несчастный брат, и я совсем не узнаю тебя. Хотя бы твоя смерть. Для чего? Ты не смог поступиться ею ради меня? Но ведь, брат, ты так много говорил мне об этом.

Ты часто вспоминаешь, как я ходила с тобою по закатной дороге; прячась от грусти, каждая милость просыпается в тебе: как снимать обувь, идя по горячему асфальту; как согреваться душою, представляя меня с тобою; как надеяться, что мы когда-то обнимались.

Этим ты жил, и ты огорчался, если я не отвечала тебе. Ты корил и себя, и меня. Настала минута исповеди: я, брат, не родная тебе сестра, но любовь, которую я скрыла за усталостью, ты мог бы понять. Но — увы.

Напутствие сна

Сгорела прозрачная грудь

Всё сияло, как во сне, яркая лоза винограда казалась лежащей на горячем песке. Душа накалилась докрасна и заставляла искать в себе проблески надежды. Но это так же глупо, как пытаться проникнуть глубже положенного.

Стоит вернуться назад, к концу улицы. Там растёт пушистый бурьян. Когда проходили мимо, всплывала мысль, что всё может быть куда лучше. Неизменно сзади плела девушка, нарвавшая в лесу полевых цветов и вдыхавшая их запах. Только смотря на неё просыпаются, вспархивают бабочки, и вся картинка этой местности сужается до конца улицы и растущего бурьяна. Если бы оставить всё так, как есть, умереть и переместиться в мир, диктованный сонным мозгом. Уверенность бы яро открыла глаза и заявила о себе. Но ведь во сне видишь себя и других с иной стороны, той самой, возле которой виноград излучает бело-зелёный свет, словно на него глядит размытый зрачок.

И внимание вновь присваивается девушке. Сердце бьётся медленнее, когда мечтаешь о ней. За её спиной нет будущего и настоящего, одни цветы, и внушаешь себе, что она поборола детство без единой пролитой капли крови. Стало быть, теперь она свободна.

Слышно голубое небо, никуда не идущее, без облаков. Сколько раз, пробудившись ото сна, человек вспоминал шелест высокого тополя? Он вспоминал только о тополе, о том, что он близко к нему и движется никуда, как небо. Во сне нет ветра, если этот сон — не про ветер.

В раздумьях девушка не замечает этого. Солнце поднято и земля освещена, но самого светила нет. Тишина угнетает, если понимаешь её.

Девушка поднимает затравленные глаза, и руки, обнимающие цветы, поглощаются тенью. — Скорее убежать отсюда, пока она не вспомнила.

Волшебный лес

Сгорели ступни

Когда я вошёл в волшебный лес, встретил там большую, одинокую осу. Чёрная напасть из деревьев выступила на земле, в проходящих дебрях впереди. В дебрях страшнее своих подножий, пролесков, кишащих пауками. Также узнал о том, кто именно обидел осу, а точнее осознал с дрожью в коленках, что виновник моей водянистой ярости таится в глубине мёртвого тихого леса. Чтобы выжить в дебрях подобного мрака, следовало бы точить зубы и когти изо дня в день, расчёсывать запёкшуюся от крови и грязи шерсть на груди, питаться мясом, свежими фруктами вместе с косточками, кожурой и ветвями.

Да у меня душу драло. Но что, неужели я забоялся неизвестной угрозы, как туфяк, и обещанное моей яростью возмездие погаснет?

Она жалобно завихрилась в потоке густого воздуха, идущего от ульев вдали. Большие и маленькие, слепленные коконы источали приторный запах мёда, сгущая атмосферу, и кругом жужжали осы. Из одного такого осиного гнезда явилась моя сопроводительница. Я был уверен, она волновалась не меньше меня, хотя я и не понимал, почему оса так жаждет мести, и вновь страх овладел моим телом, когда я смотрел на гигантскую — по-другому не скажешь — осу и вспоминал, что кто-то смог её обидеть.

— Ты знаешь, кто это? — через скованные губы проговорил я. — Что за зверь?

Она отмахивалась и хлопала крыльями быстрее, проворнее, словно подзывая идти.

Дрожащие ноги, пробираемые холодом, стояли на пороге теневого навеса и отделяли меня от того злополучия, что изростало здесь. Клянусь, сотни отмазок я придумал, только мои злые предчувствия воспалились. Однако больше угнетало полное бессилие перед сложившейся ситуацией — слова сказаны, а значит, что и дело должно быть сделано.

Я вошёл в тёмный лес. По спине пробежали мурашки; так я, по крайней мере, успокаивал себя от мыслей о пауках, и словно чувствовал эти ниточки руками, когда брёл по тропам, и словно слышал, как что-то спускается на паутине.

Мерзкие создания населяли каждый кусочек этого дьявольского леса, а оса с каждой минутой пугала меня всё больше, так как молчала и улыбалась. Я успел усомниться в собственной безопасности и подобрал себе какую-то крепкую ветку с заострённым, как у копья, концом. Но где вера в то, что мне не понадобится её применять?

Однако ярость по-прежнему бурлила во мне, и я лишь сжимал брусок крепче. А оса замедляла свой полёт всякий раз, когда я отставал. Она не

говорила, но хотела, чтобы я шёл впереди. Ладно уж, думал я.

Из маленьких и сохлых стволы взросли до толстых и редких на листву. Кора торчала, как камни на отвесной скале, твёрдая и гнилая. Стоило мне только прикоснуться к ней, и она сыпалась каким-то порошком или трухой. И тут же, как тараканы, застигнутые врасплох светом, со всех сторон на своих лапах бежали мелкие букашки, жуки, муравьи и прочие насекомые. Я прямо дрожал от мерзости, когда видел беременных самок и огромное количество яиц, которые они несли на себе. Захотелось — клянусь! — сжечь к чертям весь этот лес, не оставить и пенька стоять на этой земле. Хотя, если поразмыслить, в здешних норах живут твари не менее страшные и большие.

Подавляя омерзение, шёл я за осой. Света оставалось катастрофически мало, хотя листвы, как я писал ранее, большинство деревьев не имели от слова совсем. Всё дело в том, что кроны заменялись густыми серыми стогами паутины. Солнечные лучи замерли, и если пробивались через эту паучью завесу, ломались на блёклые отдельные вкрапления, которые только подначивали мой ужас, когда я цеплял взглядом то, что хотелось бы впредь не видеть.

— Оса, — обратился я, встревоженно комкая волосы. — Где же он?

Крылышки её замерли, и она осела.

— Мы давно пришли, — ответила она непринуждённо. — В гости.

— К кому? — опешил я.

Оса обиженно нахмурилась, и я видел, как её воспалённое жало вылезает будто из кишки, алое и с упругими мясистыми, вздувшимися стенками. Оно дрожит. Моё дыхание перехватило навечно.

— Меня обидел этот лес, эти дебри, каждая травинка!

Нет, я не мог сознать обречённость собственного положения тогда, и начал бить землю, кусты и деревья своей палкой. Потом вышли они, обитатели дебрей. Со всех сторон они двигались в чёрном тумане.

И я побежал прочь, в другую вечность обиды и ярости.

Лета

Лишь руки тихо горят в бархатной темноте

Красное весло упало на траву, оно было мокрое и пахло свежим морским деревом. Его выпустила из рук красивая девушка с обезличенными глазами. У неё нет имени и голоса. Она не говорит всю дорогу, предпочитает мясо чаю.

Антагонист сказал ей, слегка наклонившись над закатной рекой, что и второе весло следует положить. Девушка тихо засмеялась. Она смеялась тихо-тихо, словно кузнечик. Вот, казалось, вышедшая из океана, теперь она обогатит этот мир более яркими солнечными событиями — рассветами и закатами. Вздымалась грудь под тонким брезентом ситцевого платья. Дышала. Антагонист сорвал с дерева, растущего рядом, маленькую вишенку. Девушка сомкнула ладони вместе, протянув руки, и взяла вишенку. Съев её, она подняла весло и кинула его на берег. Послышалась глухая пустота.

— Ближе к делу, — сказал Антагонист.

Девушка кивнула и распахнула крылья, которые были полами её платья, в разные стороны света — на запад, на восток… на север, на юг… Из рта выглянула беспросветная птичка. Шея девушка безвольно повисла, но тело твёрдо стояло на земле. Это длилось несколько секунд. Антагонист обнаружил, что всё это время спал. Иная реальность включилась в его голове. Он обратился к девушке:

— Я спал. Ты не видела, что-то произошло?

Девушка покачала головой. Она стояла, как во сне, но из её рта не выглядывала птичка.

— Что тебе приснилось? — спросила она с улыбкой. Глаза при этом остались открытыми.

— Мимолётный образ Весны, — ответил Антагонист и сел на траву, поджав под себя ноги.

— Весна?.. — игриво удивились она.

Антагонист объяснил ей, как всё было. Рассказал он всё так, что девушка почувствовала себя прекраснейшей Весной. Когда она открыла рот и оттуда выглянула птичка — первый просвет Весны таким образом показался людям. Как если бы Праздник осматривал приготовления к нему селянами. Когда же шея девушка безвольно повисла, что особенно трепетно шептал он ей, последние холодные дни Февраля истлели в Камине счастья.

Завершив рассказ, девушка начала радостно прыгать и громко смеяться. Прекрасен её голос!

Антагонист широко улыбался, но ничего не говорил. Потом лицо его медленно приняло обеспокоенное выражение.

Он обернулся… К тому времени девушка сидела в лодке,

подхватываемая белыми волнами горящего ключа. Глаза… Теперь их не было. Как в начале сказано — обезличенные глаза… Голос.

— Девушка, милая моя, скажи, скажи что-нибудь!

Девушка молчала и смотрела на него как ребёнок. Девушка улыбнулась, словно за что-то извиняясь. Она не пожала плечами и двинула головой.

Антагонист ощутил нервы в своей голове. Они бушевали всё это время, пока происходили странные злоключения. Девушка встала и сняла своё платье. Он понял это сейчас. Но он не смотрел на девушку — на её тело, к примеру, он тоже не смотрел. Антагонист заслышал это спиной, обращённый взглядом на чёрные степи, по которым стекали плевки солнца — лучи. Большие и маленькие лучи двигались хищно и тихо, как зверьки, или зайцы, или лисицы. Как лисицы — да! Огненные тёмные лисицы шуршали в высокой траве, в густом янтаре… Что же произошло в итоге?

Он обернулся на девушку и понял, что видит Весну. От ужаса, переполнившего его с ног до телеса, он прыгнул из лодки в небеса, загорелся малиновым факелом и тут же затух, как обычная спичка, канув в Лету. Или Весну…

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонёк.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

Затем из одной и той же реки вышел он, Протагонист. Ставший таким по несчастью, он сильно каялся и молился себе под нос.

Девушка продолжала стоять в лодке абсолютно Весенняя — как голая, только Весенняя. Это была не просто Весна… Протагонист подал ей руку. Девушка помогла ему вскарабкаться в лодку.

— Я видел рай, — немного уставший, твердил голос Протагониста. Отдельно голос — самого Протагониста не было. Руки Весны не смогли схватить все телеса, прыгнувшие в небеса.

— Не беспокойся, мой милый друг. Я должна была тебе помочь когда-то давно, но забыла это сделать. Вот… — и время потекло через её волосы водой, через пальцы.

Протагонист приблизился к Весне и поцеловал её тень, падающую на судно. Губы всосали всю тьму этого зловещего образа. Весна сменила тысячу образов, вплоть до Игольного Ушка, и растворилась между средоточием снега Зимы и повальными снотворными туманами Осени.

Протагонист, объяв её тёплыми руками, защитил девушку от холода и вновь стал Антагонистом. Девушкой была его сестра.

Грибной лес

Блики на клёнах

Грибники шутили. Утром лес расцвёл туманом, слегка розовым от рассвета. В этом грибном лесу бродило несколько ребят.

Ни у кого не было имени — просто парень, девушка, старик и девчонка. Все они выглядели красными движущимися фигурами с острыми углами; это — если смотреть издалека. Множество людей, которые встречали их на своём пути, рассказывали про неугомонный смех грибников. Они смеялись всегда, так как шутили и травили анекдоты. Всю дорогу их преследовало белое сияющее марево, и казалось, что грибники святые.

Однако, стоит опасаться встречи с ними. Их волшебные глаза начнут показывать тебе отражение, а возможно, ты увидишь их мозг. Присмотревшись к красным фигурам, можно различить их по росту: парень выше всех, задорный, радостный и громкий. Он мерещится между стволами и кишит бабочками; его подруга, девушка, чуть ниже. Она молчит и смеётся, как солнце. Её движения кротки... и коротки; у старика знойная сила, он горит, сияет, мельтешит — словом, разгорается; девчонка только учится. От неё не услышать анекдота, не умеет. Девчонка тихо улыбается хищными ямочками. Глаза её скрыты чёлкой, она идёт, ступает, ноги маленькие и лёгкие.

Но увидеть их можно только вблизи, что очень опасно для жизнерадостного человека.

Шелковица

Пальцы вспыхивают синим пламенем

Он шёл следом за девочкой и не заметил, как она отдалилась от него.

С левой стороны тропы, ведущей к пустой дороге, росла большая могучая шелковица, чьи плоды он ненамеренно давил шлёпанцами, и они негромко пускали сок.

Время было позднее. Солнце скрылось за холмами вдали, но оранжевый тёмный свет продолжал палить всех. Гладкая дорога накалилась днём, и сейчас вечером, отдыхая в тени, охлаждалась. Он только что вышел на неё. Вместо девочки он увидел себя — печально одинокого, растерянного и напуганного. Но девочка любила шутить над ним...

Шелковица кренилась под ветром, падшие листья взлетали над шелковицей, а ветки этого дерева столь плотно обросли ягодами и листвой, что не виделись ему острыми или приближёнными к осени. Ведь если бы вечное лето существовало, оно бы выглядело так, и случилось бы именно с ним, а не с кем-то посторонним. Он делал неуверенные шаги по дороге.

На девочку что-то находило: он был мал, чтобы определить наверняка; что-то, не относящееся к девочке, но распознанное им, как злость. Его пугали высыпавшие звёзды. До конца дороги его время прекратилось, и детское сознание не потерпело настоящей злости. Девочка спряталась. Он обрадовался, безумно обрадовался! Страха исчезнуть под землёй и след простыл. Страха не было.

Обида и скорбь взвыли в нём, как волки, и умерли с голоду.

Красная ночь

Выступает масло весело сгорает

Существуют на земле страшные вещи, и я сам убедился в этом десять лет назад, будучи гостившим в деревне мальчиком. Мне не доводилось видеть ничего подобного прежде.

Утро того летнего дня плыло теплом и спокойствием. Я рано встал и, не завтракая, отправился гулять по зелёному простору. Дышал свежим воздухом, наблюдал звонких птиц, пинал камешки. Я был по-детски прост, и моё счастье так же просто возникало по пустякам. Помню, как вчера, свой заливистый смех, вызванный шалостями и глупостями по дороге на другую улицу. Или то, как приятно сводило ноги от ходьбы... — я присаживался на траву, потом ложился и вертелся на ней, пугая кузнечиков. Но только солнце выглядывало из-за облаков, медленно несущихся вдаль, я вставал, ослеплённый лучами, и шёл дальше.

Уверен, какой-нибудь взрослый наругал бы меня за такие выходки, даже несмотря на то, что с помощью них становился радостным, настоящим ребёнком. Ох, я бы всё отдал, лишь бы время тогда остановилось! Всего на пару часиков остаться бы в том утре, чтобы солнце не пряталось от людей за склонами полей и не пробуждало вечер; с него всё началось.

В полдень я игрался с уличными котятами у канала, где располагался их дом. Рвал колоски и кружил их над ними, а они ложились на спину и играли с колосками в ответ. Потом, привлечённый журчанием воды, я следил за рыбами у мелководья. Они подплывали ко мне, разглядывали, как пришельца с другой планеты, и шустро ныряли вглубь, только я шевельнусь. Сладко мне было, правду вам говорю! И ни одного человека вокруг, природа была со мною наедине, и небо, и лес, и вода в канале.

Кажется, именно тогда я начал задумываться о странной тишине деревни, ведь не слышно было даже собак, громко лающих в такое время изо дня в день. Да, именно тогда это случилось, что-то сдвинулось с места. Где-то глубоко, внутри, не то в земле, не то в воздухе открылись чьи-то глаза, задышала чья-то грудь, и ко мне словно что-то приближалось. Я растерянно встал и осмотрелся, похолодел ветер, нагибая верхушки сосен, а когда взглянул на воду, обнаружил, что рыбы исчезли. Ни разу не всплыли они больше.

Но рано было бить тревогу. Обычный ребёнок воспринял бы это за наступающую грозу, испугался и побежал бы домой, в родные стены. А я же, в свою очередь, очень любил грозу: дожди летом тёплые, гром так далеко, что бояться нечего. Ветер? О, я умело находил себе укрытие от него, и мне действительно казалось, что со мной всё хорошо.

Я побежал в деревню, чтобы, остановившись на тропе, вовсю увидеть вечер с его неожиданной бурей. Но внимание моё привлекло

яркое красное пятно, очень далеко, за тучами, и оно подгонялось ветром, точно облако. Однако тут мне стало по-настоящему не по себе, ибо с неба пятно перекинулось на густеющий туман. Медленно округу оплетало красное марево. Я так испугался, что отбросил затею гулять и направился домой, поглядывая на краснеющее небо, как на огонь.

Когда я чего-то не знал, обязательно донимал вопросами взрослых, и страх неизвестности уходил.

Я хотел поступить точно так же, добравшись дома, укрыться с головой одеялом и спросить кого-то из взрослых. С этой мыслью я торопливо перебегал тропинки, а они, к моему удивлению, зарастали новой травой, что с каждой минутой след спасения терялся. Теперь я неуверенно шёл, ориентируясь по памяти. И лучше бы я не оглядывался назад: кроваво-красное солнце падало за горизонт, кидая лучи рваным закатным цветом. Это был не закат, а рассвет в обратную сторону! Небо заволокло теменью, но не чёрной или синей, а красной, снова красной! Тучи скрылись за пеленой, как скрылись в сумеречном тумане очертания леса. Впереди тёмная дымка поглощала тропу. Спустя уже каких-то сто шагов я смотрел под ноги, чтобы видеть едва ли заметную вытоптанную землю, которая, как я остро ощутил, вела меня совершенно не туда, куда должна. Вечер продлился считанные мгновения, он показал дорогу ночи и растворился во тьме. Он изуродовал день. А я в ужасе забывал, как дышать.

Небо покрылось маревом полностью. Яркая кровь проступила, как сквозь марлю, на нём.

Кое-как я вышел на родную улицу. К тому времени меня окружала густая чёрная реальность. Крыши домов, деревья, камыш — всё это превратилось лишь в силуэты. До того созрели цвета, до того они пугали меня! Но потом я вдруг ясно понял, что остался совершенно один. И нет, не все люди пропали — они по-прежнему населяли свои дома, просто теперь являлись не теми, кем казались всю мою жизнь. С ними нельзя было говорить, смутный страх подсказывал мне это. «Не смотреть в глаза, если услышишь их».

Я неспешно вышел к крутому подъёму. Бродячая собака затерялась в вечности, но она была со мной. Ужасом сжималось моё детское и мёртвое сердце, когда собака подходила слишком быстро к краю пропасти канала. Если она упадёт — не вода поглотит её, а то, что ожило с наступлением красной ночи; поэтому причмокивал и хлопал себя по коленям, привлекая её внимание. И мне удалось.

А вскоре я ощутил спокойствие. Возможно, даже красные звёзды показались на несколько секунд. Или глаза. Да что там! Ведь мне стало тихо и смешно, когда я почувствовал отдаление детства из-под ног.

Вечная весна

И так до рассвета

Пролог

Ветки
Листва
Солнце

Да, это тепло и приятно. Оранжевый свет залил траву, по которой шли двое детей. Голоса их стонут. Они сгорблены тяжестью вины. Их лица капают на землю.

Но вместе с тем разгар весны. Животворное пение доносится от непрестанно кочующих птиц, никогда не садящихся на деревья.

В квадрате дня розовая листва поднята ввысь. Справа белое, идеальное солнце.

Один из детей щурится и берёт изображение в рамку.

— Повесим дома.

Другой из детей радостно улыбается и говорит:

— Нужно обязательно сохранить это. Кажется, именно здесь нам снился тот сон.

— Тот самый? — опасливо прошептал один.

— Да, это он.

Один приложил палец к губам и спросил:

— Значит, мы на верном пути, и дом этих самых находится недалеко?

— Я тоже так думаю. Нас не проведёшь.

— Стоит поспешить, — буркнул один. — Что-то надвигается.

«Что?» прозвучало от другого прежде, чем он обернулся на закат: чёрные лебеди-облака неслись ветром в одну большую пыльную кучу, давая путь чему-то иному. Мистический страх зажевал их головы, и они метнулись по обесцвеченной траве так быстро, как только могли.

Не то космос, не то существо плыло по небу в образе комариной стаи, до того густое и плотное, что обращалось в сплошной чёрный круг, движущийся в сторону деревни.

I. Обморок

Горы
Тучи
Дождь

Как же звучит это слово?

Упасть «вобморок» или упасть «в обморок»?

Она смеётся и утверждает, что «в обморок» правильно, но он ещё мал, чтобы верить в собственную глупость.

Её ноги босые стоят на горячей дороге, в руках обувь. Он тоже так стоял. Они шли. Вот — впереди дерево. Они не замечают, как сходят с дороги, надев обувь, и двигаются к дереву, растущему пышно и у забора дома старенькой бабушки.

Её ногти блестят и пахнут. В карманах полным-полно лаков с мягкой щетиной. Но не у неё, она в платье. Появившиеся из ниоткуда тени забирают лаки, смеются и громко-громко хохочут, как вулканы. Она поднимает их с земли и даёт ему. Он прячет их в свою футболку и опечалено смотрит на ребят.

«Что происходит? — думает он. — За что нас обижают?»

Больше он ничего не помнит. Она отмыла все лаки от грязи и, кажется, спасла их. А он в тот день был за неё.

На следующий день произошло что-то новое: разговор о морской ракушке.

Она сидела напротив него, разглядывая в руках ракушку. Его глаза горели интересом. Верно будет предположить, что за окнами царит вечер, и выйти из дома нельзя.

— Эта ракушка необычная, — сказала она. — Волшебная.

— Почему?

— Она дарит детям, таким как ты, подарки.

Он взял ракушку и приложила её к уху. Шум моря. Он услышал там, в маленькой ракушке, настоящее бескрайнее море, его прибои и, возможно, даже писк чаек.

Он округлил глаза и смотрел на ту, которая поделилась с ним волшебством. Он вновь и вновь слушал ракушку, завороженно улыбаясь, с детской улыбкой, пока не спросил с озадаченным видом:

— А что она мне подарит?

Она отвела красивые глаза в сторону, подумала и сказала:

— Попроси у неё что-нибудь, ракушка слушает тебя.

Он воодушевился и приклал её одной частью к уху, а другой — к губам. Несколько секунд облизывал их, обдумывая подарок.

— Хочу, чтобы весна не заканчивалась, — загадочно прошептал он.

Подождав, он обратился к сидящей рядом:

— Она услышала?

— Конечно. Ракушка умеет и отвечать детям.

И он начал задавать волшебному предмету у своего уха различные вопросы, но в ответном молчании послышался знакомый голос:

— Сейчас она занята, раздаёт подарки другим детям.

Он задумчиво кивнул.

— Как скоро она поговорит со мной?

— Совсем скоро, завтра. Ложись спать.

Свет погас, и он пошёл в свою постель.

***

Очнувшись после беспокойного сна, он обнаружил себя совершенно одиноким в этом доме. Её тоже не было, как и ракушки. Сонное лицо смотрело в туман, осевший над землёй, и слышались отчётливые детские голоса. Кто-то был снаружи. Он вышел, его окружили незнакомые дети, остальные весело бегали по заднему двору. Вороны молчали, сидя на высоких ветках, — двигали головами, моргали, но всегда молчали.

Подарившая ему ракушку исчезла. Её не наблюдалось уже как несколько дней.

Он спал и просыпался с одной и той же мыслью.

II. Выгорание

Ели
Трава
Луг

Дети, таявшие лицами, тряслись у окон с бревенчатыми стенами. Их никто не пускал. Комариный рой чернел вдали, на огромном небе, и увеличивался с каждой минутой.

— Мне снилось это место, — сказал один.

— Я видел этот дом, — сказал другой. — И в том кошмаре трупы комаров были свалены в кучу, под ними два ребёнка.

Один из них с трепетом посмотрел на себя.

— Мы ли это? — предположил он.

Но только другой собирался ответить, как ушам стали доноситься крики их — комаров. Значит, они совсем рядом. Опасаясь за свои жизни, дети в ужасе обняли друг друга, и стекающие с их лица глаза побелели от света.

Писк становился всё отчётливее. Тела детей ощущали дрожь. Гудящий рой распадался на отдельные стаи, огибающие дом со всех сторон, однако один из обнимающихся стоял, прижавшись к двери, и колотил в неё кулаком.

Комары набросились.

III. Ушки

Утро
Зайцы
Поля

Под утро он и она собрались на прогулку в чащу леса. Кажется, с ними шёл кто-то ещё, прячась в темноте деревьев и поваленных ветвей малины.

Тропу по обе стороны окутывала острая трава, на которой лежали блестящие от солнца стёкла. Ходить без обуви здесь опасно. Дорога извивалась, как змея. Это было нечто похожее на серпантин, с его возвышенностями и склонами, но в отличие от настоящего леса тут простирались гладкие бледные поля без тесноты и удушья растений. Деревья стояли далеко друг от друга, что через них возможно было бы пройти нескольким людям, держащимся за руки. Под тонкими берёзами изредка встречались пни. Кусты отсутствовали.

— В этом месте я был бы не против умереть.

— А я бы не отказалась нарвать цветов. Хочу поставить дома.

Она посмотрела в его душу.

— Почему же ты хочешь умереть? Твоё тело испортит красоту в здешнем лесу, и кто-то другой, кому действительно нужно будет здесь умереть, не сможет этого сделать.

Он ощутил вину и умолк. Молчание оборвалось, когда семья диких зайцев выбежала на тропинку. Солнечные лучи били на белоснежную шерсть.

— Стой! — остановила она. — Не спугни их.

— Какие хорошие!

Зайцы что-то вынюхивали, а зайчата бегали вокруг, показывая всем своё нетерпение. И в этот момент в небе заблистала розовая полоса света, словно чей-то коготь, воткнутый в ткань, медленно рассёк её. Полоса первое время тихо пульсировала, выпуская туман, но после затряслась, закружилась с немыслимой скоростью, обращаясь в четырёхконечную звезду.

— Это вечер? — спросил он.

Она медлила с ответом, тревожно глядя наверх.

— Нет, что ты? — улыбнулась она. — Пойдём, прогулка будет долгой. Я хочу собрать цветов.

***

Она шла позади, то и дело наклоняясь, чтобы сорвать яркое растение. Получался уже небольшой букет. Запахи дикого леса перемешались с простым от полевых цветов, и каждый вдох, который она совершала, вызывал у неё улыбку.

Обернувшись однажды во время этого, он увидел её, замершую на тропе с закрытыми глазами. Всё его тело будто порозовело в тот миг. Вскоре она приподняла веки, томительно глядя, вдохнула во всю собранные ромашки, колокольчики и петушки. Сделала шаг навстречу ветру, слегка наклоняя голову.

— Не помнишь, стоит ли в нашем доме ваза? — спросила она.

— Кажется, нет.

Она опечалилась.

— Тогда они завянут до того, как мы вернёмся. Но я не выброшу их.

Она осмотрела букет, пестрящий цветами радуги и, взглянув на него, сказала:

— Пойдём.

Он неторопливо пошёл дальше, давая ей возможность догнать его. Всякий раз, замечая её полумечтательное лицо краем глаза, он вертел на языке какой-то вопрос, однако боялся задать. Она увидела это и остановилась.

— Говори, — смутилась она. — Я же вижу, ты хочешь что-то сказать.

Он смутился в ответ и поробел. Тогда она предложила ему сесть под сенью дерева. Мягкая трава коснулась нагих ног, и робость отступила.

— Иногда я чувствую, что боюсь умереть, — начал он. — И я словно забываю о своём долге — покончить с собой.

Она грустно нахмурилась.

— Значит, тебе хочется жить, и ты не согласен с таким долгом. В тебе есть жизнь, вот в чём я уверена. Да, порой она выводит тебя из своего тела, разума. Но жизнь, бушующая в тебе, уничтожает эти зачатки.

— Мне столько же лет, сколько корням в этом лесу. Я заключён в себе. Знаешь, что я думаю? Я думаю, как тяжело делить одно тело с другим, обычным ребёнком, которого ты знаешь.

Но этот ребёнок счастливее тебя, — сказала она с грустью. — Я хотела бы видеть перед собой именно его, а не то существо, живущее в тебе со дня рождения Земли. Ты не такой, ты добрый.

— Я добрый, — согласился он, — просто слабый и больной.

Она подала ему нежную руку. Потом, спустя молчаливые минуты ходьбы, он поблагодарил её.

Улыбка озарила её лицо, и это придало ему новых сил.

— Помнишь, когда я обратился к тебе за помощью и рассказал о мрачных мыслях в моей голове? Ты почти остановила меня. Ту пустоту, которую я возложил на сердце, нельзя сравнить ни с чем. И ты стала единственной, кому удалось погасить во мне желание убивать людей.

Повисла тишина. Её не нарушали даже птицы, сидящие у кустов; и порхающие в небе — тоже не нарушали.

Она взглянула на него.

IV. Смотри, чтобы он не упал

Лицо
Как
Тучи

Сидя у берега реки, они слушали её журчание и наблюдали за головастиками, плавающими у тростника. Неподвижное солнце стояло в небе без единого облачка. Изредка он поглядывал на глубокую пропасть

слева от него. Она была так близка! Казалось, одно неверное движение, и он будет лежать там, на дне, распластавшись насмерть, а через его тело будут течь и журчать сточные воды. Поэтому он опасливо взирал на неё, когда вдруг замечал себя замечтавшимся о чём-то хорошем. Она, как и он, сидела на небольшом склоне, ведущем к голубой глади реки, поблёскивающей и мерцающей в солнечном свете. Она тоже мечтала, улыбаясь в небо, но иногда ловила встревоженные глаза сидящего рядом, уставившись в чёрно-серую бездну.

На её дне лежала большая плюшевая игрушка — розовый заяц. Непрестанно текущая вода напрочь намочила его мягкую шерсть, и она вздыбилась, как от удара током, сливаясь в острые клочья меха. Она видела, что игрушка лежала лицом вниз, длинные уши прилипли к земле, кое-где и вовсе были заметны порезы и дырки, из которых торчала взбившаяся белая начинка.

Она мимолётно кивала головой, думая о бедном ребёнке, потерявшем свою игрушку в столь мрачном месте. Он, в свою очередь, представлял, как может оказаться на месте игрушки, упасть и остаться в такой же позе навсегда, омываясь журчащим потоком.

Хотя они сидели совсем близко, он ощущал страх за своей спиной, и через какое-то время она, предприняв попытку облегчить его душу, заговорила.

— Умеешь кидать блинчики по воде? — добродушно начала она, взяла камешек и, безуспешно кинув в воду, продолжила: — Я не умею.

Он обратил внимание на круги, появившиеся на поверхности воды, и, заинтересованно выискивая камень рядом с собой, ответил:

— А я не знаю.

Худая рука поднялась к небу, и он его бросил. Камень, как и следовало ожидать, тут же потонул, однако капризного детского огорчения не последовало. Он лишь тихо вздохнул. Мысли вновь вернулись к зайцу, мокрому и одинокому.

— Как ты себя чувствуешь? — не сдавалась она.

— Не знаю, мне страшно. — Наивно, как настоящий ребёнок, он поднял брови.

— Всё из-за этого зайца?

Он обернулся к ней и кивнул.

— Не бойся, ты не упадёшь, как он. Я бы в любом случае тебя спасла.

— Как? — искренне удивился он.

— Я бы кинула тебе верёвку и вытянула.

— А тебе хватит силы меня поднять?

Она задумалась, отвела глаза, а потом уверенно улыбнулась:

— Да.

Он повеселел.

Вместе с тем всё жарче палило солнце, накладывая лёгкий загар на

кожу. Густые волосы его до того нагрелись, что обжигали ладонь, когда та к ним прикасалась.

— Хочешь в тень? — спросила она.

— Нет, мне хорошо.

Она прикрыла веки:

— Но долго не будем так сидеть. Наругают. Скоро пойдём домой.

Они друг друга поняли, и повисла тишина.

Он не смотрел в пропасть с сброшенным кем-то зайцем, щурился, глядя на солнце, и скучал. Она погрузилась в своё, беззвучно шевеля губами, будто проговаривала какие-то мысли. Её ласковое лицо очерчивали и свет, и тень, подменяя один одного. Почему не казалось скучающим? Ведь не время скучать. Ей всего тринадцать лет. В будущем, несомненно, её ждут разочарования и боль, но она счастлива хотя бы потому, что не знает их.

Что же может ждать его, скажем, через десять лет? Обретёт ли он семью? Найдёт ли своё призвание? И, так как всему настаёт конец, где он встретит свой последний день?

Их взгляды случайно встречались, но никто не нарушал молчания.

А какова же будет их последняя встреча? Да кто же его знает! Нечего и думать об этом сейчас, пока они оба дети. Сон развеется рано или поздно, и кто-то окажется совсем не тем, кем хотел бы быть.

Но вот слышатся голоса. Группа молодых ребят подошла к реке, а одна незнакомая девушка, спускаясь по склону к реке, бросила, обращаясь к сидящей:

— Смотри, чтобы он не упал.

Он проводил её взглядом, и ему стало грустно — даже не тревожно — от того, что плохие мысли никогда не пропадают полностью, а только прячутся глубоко внутри.

***

— Как дела? — радостно воскликнул он.

Она явно увиливала от правды.

— Нормально. Я потом расскажу кое-что за себя.

V. Падение

Этот
Лес
Сух

— Я зависим, — отрезал он, смотря в стол, — и мне нужна твоя помощь.

Снаружи стемнело, а в доме, где они сидели, горела тусклая лампа. На улице лаяли собаки, скулили тихо под окнами, заставляя тревожиться и вспоминать, хорошо ли закрыты двери. Пустой стол вплотную

прилегал к стене и окну, занавешенному прозрачной тюлью. К сожалению, не было видно луны, и, глядя в весеннюю тихую ночь, он страшился.

— Отчего ты зависим? — уселась она поудобнее.

Но ему как никогда было тяжело вымолвить хоть слово: в глазах сидящей напротив он видел переливающееся в закате треугольное солнце, что кружилось в медленном ритме.

Однако она не подавала виду, плечи расправлены, лицо серьёзно.

— От одной вещи, которая меня изменяет. Раньше я жил без неё.

— Эта вещь реальна? — спросила она.

— Не знаю, если бы я только знал!

— Что тебе нужно от меня?

Он молчал.

Оборачиваясь на комнату, чтобы не видеть треугольное солнце, задерживался на одиноких углах.

— Мне кажется, от тебя мне нужно только слово, и всё, — сказал он.

— Хорошо. Какое?

— Отговори меня.

В наставшей паузе ему стало страшно, и он продолжил:

— Никогда не молчи.

— Я и не знаю, что сказать тебе. Вещь, про которую ты говоришь, — что же это?

— Это смерть, — без промедления сказал он, смотря прямо ей в глаза.

Солнце в них меркло.

— Пойми для себя — ты сильнее смерти, и она не должна думать за тебя.

— Я знаю, знаю ведь! Сколько раз я размышлял об этом. Но мне не хватает стимула, его нет.

— Стимул ты сам.

Тогда оба солнца погасли. Он прошёл сквозь испытания и с облегчением откинулся на стул.

— Я ничего для себя не представляю. Просто мне нужно влияние со стороны. Твоей стороны.

Она вдумывалась в его слова, оттого и обрела человеческий облик. Не находя слов, она мялась и, кажется, корила себя за неумелую помощь. Тогда он решил действовать сам.

— Из уважения к тебе — вот мой стимул, — уверился он. — Я брошу эту смерть из уважения к тебе и твоей поддержке. Ради тебя.

— Ради меня, — повторила она.

— Верно. Ведь я люблю тебя, и твоё слово для меня значит.

VI. Возле яблони

Луна
Угол
Она

Что-то совсем темно. И как не заметили они густую ночь над собой? Ведь она наступает не сразу, а медленно, что становится так легко успеть забежать в дом перед сумерками.

Во дворе дома шумели пьяные родители, сидя на ступеньках у входа. Единственный источник света — белая лампочка, усеянная мотыльками. Луна не виднелась на небе. Тени, ложившиеся на них, мрачно отделяли пьяные лица от добрых истинных, но не полностью. Кажется, им было весело: с языка не слетали грубые слова, а руки не совершали грубых действий.

Он стоял, не шевелясь, возле яблони, в паре метров от пьянствующих, и пристально смотрел за угол дома. Там что-то было. Что-то, перед этим обежавшее его со всех сторон и затаившееся в чёрно-синей мгле.

Он предполагал, что бояться не стоит, и оказался правым. В какой-то момент из-за угла выглянула, пугая его, она. С улыбкой, тёплой обычно, но тогда показавшейся ему издевательской.

Несколько мгновений длились их взгляды, пока кто-то из родителей не сказал:

— Не пугай его!

***

Затем они ушли, а родители исчезли. По правде, исчезли вообще все люди. Это произошло именно в тот момент, когда она, идя по ночной дороге у пруда, молча сдерживалась, чтобы не засмеяться. Ему стало одиноко.

— Мне страшно, — сказал он. — Кто ты?

И она взорвалась тихим смехом. А отсмеявшись, повернулась к нему и сказала:

— Не бойся, это я. Я добрая и настоящая. А звёздная ночь пройдёт, и родители вернутся. Главное — не отставай.

VII. Измученность

Ночью
Тропой
Вдвоём

Весь день он не мог её найти, и, хотя на ясном небе не горели звёзды, он подумал, что наступила её очередь исчезнуть.

Он неуверенно бродил по деревне, заглядывая в окна чужих домов, заходил через приоткрытые калитки во двор и упорно ждал её появления, сидя на лавочках или клубах. Но каждый раз тревожащееся

сердце распалялось сильнее, так как вместо неё выходили тени незнакомых людей с ранеными судьбой лицами и что-то говорили ему невнятными губами. Всегда, как такое случалось, он спешил покинуть их дом и вновь обрести одиночество, сопровождающее его поиски.

Таким образом, день сменялся вечером. Солнце перестало жечь, с канала потянуло прохладным ветерком. Путь, казалось, никогда не закончится, и мир, где можно было бы её найти, становился всё меньше.

Изнутри его переполняла душевная тяжесть плохих мыслей и недобрых предчувствий. Что же могло случиться? День за днём умирал на его глазах, а та, кому он посвятил бессонные тревожные ночи, не подавала ни единого признака своего присутствия. Уже под вечер третьего дня, находясь в полном неведении, у него опустились руки. Сил на поиски не было. Все они истратились за его похождениями в лес; она очень любила находиться там.

Люди же, напротив, словно появились из ниоткуда, каждый являя собой полупрозрачную, неприметную фигуру, которая никогда не поприветствуется в ответ. С недавнего времени только они населяли деревню, и впервые в жизни ему захотелось заплакать в медвежьей берлоге, где одиночество — твоя единственная сестра. В редких порывах безумия и тоски он блуждал по закоулкам тростниковых троп, едва пересиливая себя, чтобы не спрыгнуть вниз, в скрытую стеблями воду.

И подобные муки терзали этого ребёнка три дня. Он ясно понимал, что без неё не сможет сжиться с миром, ставшим его реальностью, со всеми своими огорчениями, немыми снами и знойными полднями. Всего на секунду забрела к нему мысль: что, если он узнает о её смерти? Но в тот же миг пустота разлилась по телу, как кровь, и он осознал бесполезность своего дальнейшего существования. Это было чувство потери, невосполнимой чёрствой утраты. Всё существо его притупилось к холоду и теплу. Луна не охлаждала более его, а солнце не грело. Если раньше он что-то совершал и находил на это силы, то сейчас опустел, как заброшенный улей, с ног до головы, ощущая себя перегоревшей спичкой.

За какие-то несколько минут он принял поражение, и следующий шаг оказался бесцельным. Возможно, он так слепо поверил в её смерть, что отбросил затею отыскать исчезнувшую девочку.

Тропа выходила на перекрёсток. Он пошёл дальше, вступив на раздавленную тракторами дорогу. Она вела прочь со знакомых улиц. Не замечая скоротечности дня, он опомнился лишь тогда, когда яркий закатный луч, пробившись сквозь листву, ударил ему в лицо. Он остановился и с горечью подумал: «Приближается четвёртый день, как её нет». И его, кажется, больше не было: от бессонницы воспалились глаза; движения нервные и сонные, как у человека, который хочет спать, а ему не дают. И ведь он совсем ничего не ел. Кости стали выпирать, как древесина из мешка.

Он сел на краю дороги, в тени, мечтая заснуть. В тающих размышлениях он не сразу заметил два тихих голоса, мужской и женский, доносящиеся со стороны, скрытой сиренью. Надежда вытеснила недавнюю пустоту, и он встал. Эти голоса звучали живыми, не такими, как у серых мертвецов из деревни. Выждав их приближение, он затаился в густой розовой кроне. Затем увидел её, идущую за руку с каким-то грустно улыбающимся парнем. Однако он не мог поверить своим глазам — она, как и парень, выглядела куда старше. Ей было за двадцать. Всем телом он почувствовал, что с миром что-то не так. Но нет же, подумал он, если она, живая, идёт с кем-то за руку, пускай и немного старше, чем он её знал.

Она смущённо улыбалась, иногда печально молчала. Он решил не тревожить их своим появлением, так как ощутил, что сейчас она может быть счастливой.

***

Он всё сидел за густой розовой кроной, как за ширмой, и видел: они совершали один и тот же путь, порой выходя на главную дорогу, ведущую в город. Со временем она становилась увереннее, чаще смеялась и заговаривала первой при неловких паузах. Так продлилась до ночи. Остановившись однажды на дороге, лунный свет выделил их тела. Там они и разошлись.

Она попрощалась и, возможно, даже обняла его. Парень пошёл прочь, медленно исчезая в тени, создаваемой тучами, а она свернула на тропу, спокойно направляясь в деревню.

Он выдохнул с облегчением и показался из укрытия. Пару минут он наблюдал за ней, прежде чем пойти следом, ведь помнил её слова: «Главное, не отставай».

VIII. Ответ

Три
Мрака
Дома

Он спал в дождь. Под одеялом, плотно его окутавшим, было не холодно. Впервые за долгое время его сон выдался крепким и спокойным. В комнате царило нечто призрачное. Так синева проходила через окна и ложилась на стены предрассветной тьмой.

Она зашла в дом и увидела его. Кажется, вернулась с магазина. Её руки по локоть погрязли в крови, засохшей не полностью, а платье дурно пахло. Сквозь сон он ощутил беспокойство. В это же время солнце поднялось и пошли первые лучи. Один из таких забрался прямо в помещение. Огненный, жёлтый, страшный. Прямо посреди комнаты он тянулся к проёму двери, в котором молчаливо зависла повешенная она.

Он осознал это и подорвался с постели, судорожно улыбнулся и изрыгнул тошноту. Её не было. Ужас объял его, когда он припустил, что вчерашний променад её — сновидение, поэтому встал с целью увидеть её. Потом он понял — ломает и грызёт подавленная зависимость. Ты словно превращаешься в цветок, который засыхает под гнётом собственной слабости. В горле ком образовывается каждые пять минут, тоже от страха. Он умолял её словесно, на расстоянии, простить его искушённую душу, всего один раз разрешить подвергнуться смерти перед окончательной завязкой. Страшное видение себя как бесполезного, нужного кому-то человека. Это так болезненно.

Он прогулялся, стояло голубое лето, и стрекозы в этот час особенно часто клеились на паутину. Кошки, гуляющие по улицам, неизменно худые и беременные. Затем, спрятавшись от гармонии в пристройке на заднем дворе, обнаружил там её, сидящую на диване. Расслабленное тело, тяжёлые глаза, улыбка. Она предложила ему покурить необычную траву.

Он согласился и через десять минут был с ней очень похож. Она говорила медленно и слегка надрывно:

— Так необычно, да?

Он кивал.

— Так хорошо. Вот так мне хочется жить.

Она сглотнула, полусидя, расслабившись на диване, и сказала:

— Ты не должен так думать.

Она хотела помочь, что-то объяснить, но сил не было. Спустя полчаса оба спали.

IX. Радуга над кладбищем

Пас-
Мур-
Но

Пасмурно и темно. Входные двери настежь открыты. Ветер сквозит и превращается в тихий вой. Как приятно видеть это со стула, сидеть на нём безмолвным человеком и ждать дождя.

На душе что-то стояло. Кажется, ожидание чего-то. А если ничего не произойдёт, день останется при своём — дождь не освежит воздух и землю.

Она как будто этого не замечала, снуя по комнатам. Что-то искала. Так это выглядело. Но ей нечего было искать. Они остались вдвоём, и в какой-то момент она спросила у него, хочет ли он есть.

— Хочу, — отвечал он.

Она шла к сырой плите, доставала из шкафчиков крупы, соль и прочее. Он коротал свой час на улице, совсем не боясь черноты неба. Ему казалось, что это будет фатально, если всё-таки разверзнется буря

над деревней и затопит всё вокруг в тягучем болоте. Он дышал легко, даже очень, и мысли от этого становились теснее. Спокойствие и вместе с тем переживание находились в каждой веточке, и порою что-то одно пересиливало над другим. В таком случае он возвращался в дом, чтобы только увидеть её, готовящую ему за плитой.

В животе урчало от голода, а в небе — от наступающей грозы. Внезапный гром сотряс землю, клубясь чёрными тучами. Вскоре она позвала его есть. В тарелке лежали макароны, которые, спросив его разрешения, она заправила острым соусом. Соуса было так много, что есть макароны стало невыносимо. Так сильно они пекли. Но что же он мог сказать ей? Он вышел на крыльцо с тарелкой в руках и сел у стены на лавочку, и принялся лениво колупать еду вилкой. Съев нарезанные огурцы, он отложил макароны, так как во рту пересохло. На кухне она налила проточной воды в стакан и дала ему. И не понять, утолился ли голод, или всё это время сосущие чувства то в груди, то в животе — тревога.

Он поблагодарил её. Потом бродил по старым, заваленным хламом комнатам. Знал, что повсеместно здесь кружится пыль. Однажды он присел на диван, и мухи летали, не боясь быть убитыми. Несколько десятков погибло на липкой ленте, висящей на люстре. Каждый вздох драл горло, першило. А ещё так темно и тихо. Он прислушался к окружению, и стоящая в доме тишина напугала его. Да, он помнил о том, что она часто покидает дом, погружённая в работу, однако никогда не задерживается снаружи. Плюсом ко всему, небо за окнами заволокло бездной. Она была серой и изрыгала что-то похожее на птиц, летящих чёрным треугольником.

Выбежав на улицу, он осмотрел двор, но никого не обнаружил. Где-то далеко вопили свиньи. Макароны, заваленные в тарелку, по-прежнему остывали без дела. Даже кошки не притронулись к ним.

Он окликнул её по имени, и она отозвалась. Пошёл на голос. Малина. Её собирали вёдрами, общипывали большую от маленькой. Чуть дальше лаяла рыжая собака, метающаяся на цепи в порыве радости. Он шёл дальше, пока не достиг забора в виде проволоки и ржавой калитки. Трава росла кругом, как грибы, уходя вдаль и произрастая в деревья. Слева дорога. Большая, могучая шелковица. Закат. Здесь она убегала от него.

Но это всего лишь наваждения его печальной души... А голос дальше.

X. Икона

Ручей
Течёт
Ничей

— Прошу, разреши мне, — он умолял её. — Я поступлюсь всего один раз своими словами.

— И навсегда потеряешь моё доверие.

У него потемнело в глазах.

— Если навсегда, то прости, но оно сильнее меня.

— Его нет, — презрительно сказала она. — Есть только ты и твои слова. Ты дал мне слово бросить смерть?

— Дал.

— Сказал, что ради меня?

— Сказал. Но ты сама знаешь, как это тяжело, — продолжил он жалобно, и поражение скулило в голосе. — Я хочу. Тело требует этого от меня.

— Ты уже сдался.

Как гром, его поразили эти слова. Она — та, ради которой он пообещал бросить смерть — разуверилась в нём.

— Я знаю, это искушение дьявола.

— Ты всё знаешь. Да только что мне твои оправдания.

— Но ты сама говорила, что очень хочешь, чтобы я бросил! Тебе не плевать!

— Нет, не плевать, — она глядела в окно. Потом на икону. — Однако же мне приятно, что я для тебя святой оплот, обещание которому должно что-то стоить.

Что с ней? В глазах безжизненный упрёк.

XI. Рыжая корова

Болото
Берег
Просвет

— Не подходи к ней близко, — наставляла она. — Эта корова не такая послушная, как остальные.

Он смотрел в её чёрные глаза, а она в его. Хвост дико метался из стороны в сторону. Когда она мычала, он сжимал руку идущей с ним крепче, боясь потеряться.

— Буйная корова, — сказал он.

Миновав опасность, они уверенно пошли в магазин, где она купила ему мороженое. Всё просто, на дворе не то весна, не то лето, но в любом случае тёплое время года.

— Я так не хочу уезжать... В моём городе холодно и враждебно.

— Помнишь желание ракушки? — игриво спросила она. — Пожалуйста, это твоё.

Он попытался вспомнить.

— Вечную весну, — напомнила она. — Ты загадал её, и вечная весна на горизонте бежит тебя обнимать, целовать, утешать. Она, точно твоя

умершая мама, защитит тебя от зимы.

Он остановился и, несмотря на режущую боль, вгляделся в треугольное солнце, повисшее на знойном остановившемся небе. В её глазах не было солнца.

— Ты держала вечность в себе?

Хладнокровная улыбка залезла на её лицо, и корова взбесилась в высокой траве.

Но пробежала мимо. Вина покрыла щёки его. Как он мог в ней сомневаться?

XII. Комары

Силуэты
Двух
Детей

Им отворили двери, и один из детей ворвался в тёмное помещение. Другой едва успел закрыть двери. Комары врезались в неё с разбегу, а парочка так и вовсе залетела вовнутрь. Дети быстро хлопнули их.

Теперь можно было выдохнуть. Коридор поглощён тьмой. Впереди не мерцает свет. Значит, здесь никого не находилось. Это пыльные комнаты, по которым не бегают даже мыши, а пауки умирают от старости.

— Кто нам открыл? — испугался один из детей.

Другой не нашёл, что ответить, но обоих встревожила эта загадка. Не может же дом открывать двери? Или только кажется, что призраков и духов нет в стоящей мгле? Один начал трястись от холода, и другой растопил печь деревом, лежащим в ящике. Дом наполнился теплом и приятным горелым запахом, впитывающимся в одежду.

— Посмотри на окна, — шёпотом произнёс другой.

Окна запотели, как при сильном холоде, покрывшись морозными узорами. Через размытые стёкла не выглядывали более зелёные листья растущей напротив яблони. Наоборот, голые ветви угадывались по ту сторону.

— Снаружи зима, — сказал один. — Я уверен в этом.

— Только взгляни в окна. Время года так просто не меняется. Кто-то замешан в этом.

Кости ломало под кожей. Свирепое дыхание зимы просачивалось сквозь незаткнутые тряпьём щели. Известно, что зимой темнеет раньше. Густая ночь от мороза раскалилась до чёрной ледяной. Печь старалась изо всех сил, но дрова не вечны, как вечна зима в округе и как весна везде, но не тут.

XIII. Холод

Стена
Облачность
Она

Она приехала из города, чтобы передать свёрток некой девочке. Она молчала рядом с ним. Лишь под конец, собираясь уезжать, вручила ему бумажный рожок с чем-то внутри. На нём было написано имя.

Он боялся её молчания, словно его не было, словно она — незнакомка. Поэтому побежал вслед за ней, но задать вопрос не хватало сил, и он шёл нога в ногу так же молча. Потом появилась бетонная стена, сравнимая с небом в тот час. И деревья, редко растущие вокруг, под которыми валялся мусор, а не росли цветы.

Она вела его куда-то далеко от дома. Вот она проходила совсем рядом, обязательно должна была хотя бы поприветствовать, но грустное лицо её ничего не выражало. Протягивая руки в надежде обняться, он их опускал с поражением.

Он знал: её дом находился здесь, а не в городе; однако всё в ней выдавало человека, которому стоит спешить. Это было взросление ребёнка. Он ещё не взрослел, ему неведомо, как холодно это порою случается.

— Куда ты? — жалостливо сказал он идущей в спину.

— В город.

— Домой? — переспросил он.

— Нет. — Она сковалась. — Я не знаю, где была.

Она замерла и взглянула на него с сердечностью:

— Города не было, понимаешь? Что-то изменилось во мне, когда я вернулась оттуда.

— А этот свёрток?

— Его передай девочке.

— Кто она?

— Моя близкая подруга, — она улыбнулась. — Скоро она станет взрослой.

XIV. Тот самый сон

Вера
Над
Солнцем

Он тепло обнял её, когда она вошла в дом. Ясное небо запылало за её спиной; тени; свет от солнца скатился на стены полосами.

В его глазах нет печали. Он больше не боится остаться один под скоплениями холодных звёзд; не трепещет, когда небо становится красным, а всё вокруг чёрным, и когда люди являются не теми, кем кажутся. Но почему?

Она удивилась, однако ответила на объятие.

— Что, что с тобой? — возрадовалась она, отстраняясь.

Лицо порозовело её. Он верил, если вдруг тучи сгустятся над деревней, ему хватит лишь подумать, чтобы прогнать их. Это словно вечный рассвет перед глазами, точно он!

— Вика, — сдерживая радость, сказал он, — я просто убедился в том, что ты настоящая. Треугольное солнце в твоих глазах — всего лишь моя выдумка; ребёнка, который боится всего, которому так чувственно поднесён мир на ладошках.

Она слушала внимательно.

— Ты не поймёшь, сестра, что я испытал только что!

Невольно руки снова обняли её.

— Ты видел тот самый сон? — спросила она.

— Нет… Я, Вика, наконец проснулся из него.

XV. Вечная весна

Судьбы

Дети замёрзли до смерти, когда дрова кончились. Попытавшись выйти, чтобы собрать новых, обнаружили намертво примёрзшую дверь. И зима за окнами становилась всё темнее, и ничто не могло её осветить. Два гудящих трупа с разинутыми ртами…

А там, где он обнимал её, бушевали краски, ящерицы и вечная весна. Сейчас они идут по дороге вдоль рассвета, улыбаются и молчат.

— Хочешь пожелать ещё что-то? — нарушила тишину она и достала ракушку.

— Да, — ответил он и взял. — Хочу быть у костра.

XVI. Засиделся за костром

Как
Всё
Это...
Кончается?

Весна обманчива, и её ночами бывает холодно. А у костра — да, тепло, он согревает душу. Два ребёнка очутились вокруг него и наблюдали, как огоньки, стремясь вверх, тают в воздухе. Пламя колыхало тени за их спинами, длинные мерцающие силуэты ложились на траву и дрожали. Пахло цветением отовсюду — это сирень разрослась у забора, в ночной темноте кажущаяся платьем.

Он сидел на бревне, и она рядом с ним, заправляя непослушную прядь. Ветер куда-то подевался: обычно он завывает и шумит в пустынных огородах, что ненароком забоишься покидать дом. А сегодня, безлунной ночью, он молчал. Слышалось потрескивание дерева, которое разгоралось. Огонь выше крыши. Но, несмотря на

приветливость весны, обоих сдавливала немая тревога. Никто не решался заговорить первым. Но каждому было, что рассказать.

— Совсем забыла предупредить, — обратилась она. — Желания, которые ты загадал, исчезают после твоей смерти, а последствия этих желаний остаются.

— Последствия? Какие же?

Она задумалась.

— Например, вечная весна. Сейчас в этих краях царствует она и будет ещё какое-то время, до твоей смерти. Потом всё вернётся вспять. За весной последует лето, обычное лето. Но вот что я думаю... Почва здесь всегда плодородна, а трава не перестаёт расти ни на секунду. Всё вокруг цветёт и созревает. Животные не будут прятаться от холода в норах и берлогах и выйдут на тепло. Понимаешь, к чему я клоню?

В тени огня он кивнул.

— Я боюсь, что твоё желание могло нарушить естественный порядок вещей. Это как пытаться изменить природу, старшую весны на миллиарды лет.

— Ты говоришь о последствиях? — спросил он.

— Да. Мне не по себе от мысли, что будет потом, после твоей смерти. Если весне суждено продлиться полвека, эти места и деревня исчезнут в растениях, в деревьях и животных, которые придут к людям из леса. Как много будет клещей и комаров. Из-за этого наступит неурожай. Расти будет только бурьян. — Она оглянулась вокруг себя. — Как темно и мрачно. Особенно, думая о таких вещах.

— Давай не будем думать. Мне кажется, нужно наслаждаться теплом весенних дней, а не тревожиться о далёком будущем. Ведь правда, какое нам дело до него? Я сомневаюсь, что существует что-то кроме прошлого. Я помню о нём, значит, это было. А настоящее — его даже невозможно уловить. Любые слова — взять хотя бы эти — направлены только назад, а за ними новые слова, и ещё, и ещё.

— Не знаю, как ты, — ласково сказала она, — но я переживаю за будущее этого места. Я здесь родилась. Представь, во что оно превратится. Ведь время идёт, и когда-то ты покинешь этот мир. А что будет тогда? Животных станет так много! Птиц на небе и рыб в озёрах никто не сможет сосчитать. Канал закишит ими, ведь им некуда будет деться. Наступит лето, и всё это медленно начнёт засыхать под солнцем. Звери погибнут от непривычной температуры, попадают замертво в густой, высокой, как деревья, траве, начнут разлагаться. Небо заполонят мухи, а землю — черви. Что, если начнётся массовая гибель от какого-нибудь паразита? На месте полей будут лежать скотомогильники. И хорошо, что людей к тому часу, вероятно, не найдётся в этой округе... Вот в чём ужас: лето только ускорит то, что начала весна — цветение, оно пустит новые корни. Обильные дожди сведут реки с ума. Всё в природе имеет свойство обновляться, братец. А создание вечного

тепла... Ты подумал о себе и обо мне. Но как же деревня?

— Вика, ты делаешь меня виноватым, — трезво сказал он, замерши взглядом на ней. — Я хотел всего-навсего проснуться, я был в кошмаре. Да что там? — ведь и ты была в нём! Только не всегда видела то, как он тебя преображал. А я оставался собой, наблюдал.

— Нет, не виноватым. Я тебе объясняю: загадав это, ты не знал кое о чём, и так уйдут все твои желания.

Она озабоченно выпрямилась и всмотрелась в небо. Затем на него, добродушно.

— Я виновата, что не сказала тебе об этом сразу, а дала ракушку.

— Не говори так. Никто не виноват.

После паузы она сказала:

— Настанет осень. Зима. Растительность вымрет. Деревьев будет столько же, сколько цветов в поле, и все они сбросят листву. Трупы животных, или их скелеты, больше не будут скрыты в траве. Вот какую картину я хотела показать... Я очень люблю животных. За период вечной весны это место станет их домом, они приспособятся к хорошим условиям; а потом — лето, резкая смена климата. Осень. Холода. Все запасы наверняка пропадут, так как животные перестанут заготовлять их на зиму. Зимой обнажатся последствия, и вид у этой деревни будет ужасный.

Когда она окончила, он долгое время молчал, пытаясь спрятаться за ненужной занятостью: то подбросит брусок в костёр, то станет отряхивать одежду от пыли. Однако её глаза по-прежнему устремлены на него, показывая, что ждут ответа.

Он поднял голову.

— Хорошо. Я не тот ребёнок, который загадывал желание. Я нечто старшее и печальнее. Надеюсь, ты видишь это. И ты молодец, что не сдаёшься. Вот, я услышал тебя, так давай же поскорее возвратимся назад.

Эти слова погрузили её в задумчивость, и она испугалась.

— Ты хочешь покончить с собой? — резво опомнилась она. Её большие ясные глаза смотрели так, будто бы исход был уже решён.

— Это один из двух вариантов, но ты так переживаешь за меня, что отбросила другой. Где ракушка? Я загадаю, чтобы всё вернулось. А после моей смерти ничего не изменится, то есть будет так, как ты хочешь.

Она достала ракушку и дала ему. Шум моря у уха отозвался среди костра и ночи тоскливым воем, и ему отчётливо показалось, что ракушка стонет от усталости.

— Сколько же я могу загадывать желаний?

— До тех пор, пока она хочет слышать тебя. У этой ракушки интересная история. Рассказать?

— Я думаю, она с тобой уже давно, — сказал он. — Расскажи.

— Я увидела, что на берег моря, на котором я была в далёком детстве, выбросило блестящий предмет. Подбежала и поняла — ракушка. Потом родители сказали приложить её к уху, и так якобы я услышу всплеск волн и крики чаек — словом, море. Они говорили, что там, внутри, находится маленький аквариум со своими рыбами, креветками и водорослями. Я везде носила её с собой, всем показывала, хвасталась. Но в один день ракушка треснула, и шум моря исчез. Я до ужаса боялась, что тот самый аквариум лопнет, и поэтому всячески латала ракушку, клеила, красила, наносила блёстки. Так я начала с ней общаться. Поначалу, конечно, не было ответа — со временем. Это произошло тогда, когда я отчаялась и стала умолять ракушку жить, чтобы в ней снова слышалась жизнь... И что ты думаешь? Она выполнила моё желание, а однажды так и вовсе ответила мне.

— Какой у неё голос?

— Мамин, — ответила она и улыбнулась. — Да, у неё мамин голос, и теплее его нет.

В тоске опустилась его голова.

— Я забываю лицо своей мамы, — буркнул он. — Что там голос?

— Ничего, ты уже это пережил.

Она обняла его одной рукой, такой лёгкой и тёплой, что он сразу согрелся.

— Я помню, как удивилась этой новости. Казалось, всё хорошее придёт с летом. Но с летом пришла Смерть. Тебе было всего десять... Прости, может быть, ты не хочешь об этом говорить.

— Я могу говорить об этом, я научился этому. И знаешь, я вот что хотел сказать тебе. Когда рядом с тобой нет близкого, которого ты любил, всё плохое с ним в большей степени вытесняется из памяти. Помнишь самые яркие события. Но так же случается и с хорошим. Внешность, голос, тепло... Вика, я представляю, как обнимаю свою маму — и такие моменты есть в воспоминаниях, — однако не могу ощутить теплоту её рук. А её руки были прекрасными. Она столько умела! Она шила мне мягкие игрушки, рисовала, лепила и клеила поделки. Никогда она не била меня, Вика.

Она молчала, что-то вспоминая.

— Да, тётя Инна всегда была ласкова.

— Тебе не по себе? — спросила она, пересев на бревно поближе к нему.

— Прости, я знаю, что твоя мама была более строгой. Я услышал это как-то от тебя, когда ты шла с бабушкой в магазин.

— Она выгоняла нас на мороз и очень много ругала, а когда выпивала, становилась бешеной. У мамы сложная жизнь... Она сделала для меня очень много хорошего; и если любишь — умей прощать.

Костёр ослаб, и он кинул в него охапку ветвей. Пламя поднялось, на миг выделив из мрака всё вокруг. Их локти дотронулись друг до друга.

Он взглянул на неё и понял, что она огорчена.

И стало ему обидно. Вина полоснула сердце. Он поднёс ракушку к губам.

Она, заметив это, опередила его:

— Постой, не проси всё вернуть. Мне кажется, это не имеет смысла.

— Почему?

— Ты хочешь изменить будущее, но сейчас я взволнована больше, чем могла бы быть взволнованной спустя полвека, потому что с тобой что-то не так. Ты стал другим, и меня пугают эти изменения. Они не подходят для ребёнка вроде тебя! Попроси ракушку обернуться прежним мальчиком, которого я знаю.

— Я верну природу, и следующее моё желание будет таким, каким ты сказала. Зачем выбирать что-то одно?

— Я слушала ракушку несколько дней тому назад. Она выбилась из сил, и, возможно, что у тебя осталось всего одно желание. А я не хочу рисковать тобой. Пойми мою тревогу. Мне неуютно с тобой, с существом, которое холодно рассуждает о смерти. Ты ребёнок: застенчивый и добрый, — верни его.

— О, я понимаю тебя, Вика. Я столько раз старался проявить задавленное внутри добро, что потерялся. Теперь мне тяжело скрывать себя, даже перед тобой. Удивительно, Вика, удивительно! Ведь ты стала мне таким близким человеком. Я доверил тебе свои мысли, будучи обречённым. Одной тебе; другие казались мне не теми, кому стоит рассказывать о своих безумных проблемах. Я понимаю тебя. Я пожелаю исчезнуть, чтобы на моём месте остался мальчик, предсказуемый, весёлый, как все дети.

В порыве он закричал в ракушку:

— Обрати меня в ребёнка! Такого, что не резал бы свою плоть, не утопал бы в грехопадениях, не поддавался бы похоти!

Делать и спрашивать что-то было поздно. Она поняла это, когда увидела закатывающуюся белизну глаз своего брата, а затем зарождение нового лица.

***

Вика ощутила себя свежей. Правда, костёр принял голубое свечение и весенняя гладь травы исчезла.

Она была рада. Мальчик, сидящий рядом с ней, одновременно знакомый и далёкий. Она возжелала его вернуть, но не учла, что теперь будет знать будущее брата. Теперь, видя смех на лице, будет грустить летящему времени. Скоро он не сможет улыбаться, что-то чёрное, как собака, захлестнёт его в одиночестве, и никто не увидит, что происходит с ним наедине. А потом он доверится ей. И в итоге, почему она?

Он был маленьким и долго глядел на костёр, а иногда совал в него ветки, чтобы те немного погорели на конце.

— Как дела? — спросила Вика.

— Хорошо.

Может быть, его доверие к ней обусловлено излишней добротой, и очень трудно отказывать в помощи; но любой же помог бы на месте Вики!

— Помнишь, как я разбил себе лоб? Я бросил камень высоко в небо, и он упал. Пошла кровь. Я помню, как ты стояла надо мной. У меня осталась белая точка на лбу.

— Помню, мы тогда все испугались.

Она отвечала скованно, раздумья засели в голове.

— Ты очень красивая, — сказал он. — Прости за то, что я грубо игрался с кошкой и садил её на деревья. Ты тогда вышла и так на меня посмотрела…. Мне стало ужасно неловко.

— Я этого не помню, — стеснительно улыбнулась Вика. — Но не подумай. Я не винила тебя тогда, уверена в этом.

Она опомнилась, что сейчас глубокая ночь и до рассвета два часа. Похолодало, но он отсел на другое бревно, хотя прохлада пробиралась к нему.

— Послушай меня, Вика, — сказал он жалобно. — Я хочу рассказать тебе обо всём. Помню, как твой папа словил черепаху. Я пошёл к дороге и нёс её, а тут ты идёшь из магазина. Я тогда очень обрадовался. А когда-то давно я пришёл в гости к нашей тёте и стоял в коридоре, пока вдруг ты не вышла из душа. Я очень удивился.

Она не понимала, к чему это.

— Ты хотела забрать щенков с канала домой — просила бабушку. Помнишь? Я помню, как какая-то девочка издевалась над собакой, таскала её и не давала спокойно походить. Я сказал тебе, но ты ответила, что она просто играется... Однажды ты приехала на мой день рождения и подарила мне синий фургон из конструктора. Потом я много игрался с ним. Ты дала мне конфету, когда я грустил и хотел, чтобы меня пожалели. Ты просила, чтобы я не кидал колючки на спину твоего родного брата. Мы собирали малину. Я помню, как ты звала брата гулять со мной. Было тепло, солнечно...

— Постой, зачем ты это вспоминаешь? — недоумевала Вика. — Всего этого я не помню.

Улыбка сбывшегося ожидания на его лице. Она не вглядывалась в него, ей хватило мгновения, чтобы понять: перед ней всё тот же больной и слабый брат, которому суждено навечно просить помощи у двоюродной сестры, задыхаясь собственным цинизмом.

Июль — октябрь 2025 г.